

© И.В. Покатилова

Художественная культура Якутии: современные процессы в поисках своей «идентичности»

Ключевые слова: современная художественная культура Якутии, морфология искусств, якутское кино, массовая культура, культурогенез

Статья посвящена анализу современного состояния художественной культуры Якутии на рубеже XX — начала XXI вв. Актуальным для осмысления современных процессов Якутии с 1990-х годов становится конвергентный этап, определяющий поиски новой «идентичности». Культурная современность Якутии рассматривается в трех ракурсах: 1) в «снятом» содержании — уход в культурное «прошлое» в театральные постановки Андрея Борисова; 2) в «актуальном» содержании — еще незавершенное творчество модельера А. Филипповой с репрезентацией национальных форм одежды; 3) в «потенциальном» содержании видов искусств намечается подготовка будущего современной культуры 2010–2020-х годов. К этому «потенциальному» пласту культуры следует отнести проекты якутского кино. Анализ конвергентного этапа в развитии искусств в данном регионе позволяет выдвинуть предположение о том, что в начале XXI в. лидером в морфологии искусства Якутии последовательно и вполне закономерно становится кино, которое в своем культурогенезе интегрирует возможности массовой культуры с профессионализмом всех получивших здесь развитие видов искусства.

Культурогенез Якутии XX века особенный. В развитии художественной культуры Якутии в XX в. следует выделить два качественных этапа: 1) с середины 1920-х по 1960-е годы — этап зарождения, становления профессиональных форм искусств европейского образца; 2) с середины 1960-х по 1990-е годы — это уже зрелый этап развития национальной художественной культуры.

Особенностью первого этапа является становление этнического самознания и переход от фольклорного типа (традиционности) к профессиональному типу (креативности) художественной культуры. Во всех видах искусства (литературе, живописи, косторезном искусстве, театрально-музыкальном ис-

Покатилова Ия Володаровна – кандидат искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения АГИКИ. e-mail zung2006@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1815-9610>

Для цитирования: Покатилова И.В. Художественная культура Якутии: современные процессы в поисках своей «идентичности» // Антропологии/Anthropologies. 2024. № 1. С. 91-103. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/91-103>

кустве) сильны фольклорные реминисценции, что проявляется, в частности, в тенденции вторичного восприятия фольклора.

Второй этап — это этап зрелости, являющийся фундаментом для последующего развития национальной художественной культуры уже в XXI в. В это время можно говорить о равномерном развитии всех видов искусства. Если в морфологическом плане в 1920–1940-е годы в качестве приоритетного направления развития культуры выступает литература, то с 1960-х годов доминирует графика как вид искусства, а в 1980–1990-е годы в «лидерстве» оказывается театральное искусство, в котором используется смешанный способ художественного освоения мира и сконцентрированы слово, пластика, музыка и изобразительное искусство. Эти этапы соединены между собой исторической преемственностью и особенностями строения художественной деятельности в регионе, а также креативностью творческих личностей Якутии (Покатилова 2013б: 146).

Смена и механизм перехода от одного типа культуры к другой исследованы недостаточно, но значительную роль в этом играет принцип саморазвития системы. Эти сверхсложные и бифуркационные процессы активизировались после распада советской культуры. Начиная с 1990-х годов культура Якутии вступает в переходное состояние: от одного устойчивого типа организации социокультурной системы советского периода к другому, более сложному и многовариантному. Этот процесс коренной трансформации культуры носит не эпизодический характер, а скорее — определяющий в процессе культурно-исторического развития.

К существенным характеристикам данного периода следует отнести «всплеск» национального и этнического самосознания. Люди начинают ощущать хаос, который нарушает стабильность прежних смыслов, ценностей советских идеалов и гармонии. Образно говоря, этот хаос можно охарактеризовать у нас, в Якутии, как *халаан уута* — «полноводная река, вышедшая из своих берегов» (Покатилова 2013а: 148). Именно в «переходные времена» люди возвращаются к истокам и ритуалам. Ритуал становится гарантом выживания. Однако в современной культуре уже конца XX в. функции ритуала выполняет искусство как система ценностей, в которой присутствует вечная «неуспокоенность».

В потоке многочисленных информаций меняется характер современного искусства. Оно становится синтетическим, на примере саха-театра 1990-х годов, вобравшего в себя все уровни взаимодействия искусств: на уровне единичного — это расцвет творчества режиссера А. Борисова, на уровне особого — межвидовое взаимодействие, а на уровне общего — общекультурное взаимодействие различных видов художественной и нехудожественной деятельности: дизайна, фольклора, рок-музыки (например, группа «Чолбон»), телевидения, журналистики и т. д. Именно на особом уровне внутрикультурного «пространства» находятся точки напряжения, взаимодействия между различными видами искусства, в частности, такими как изобразительное искусство, театр и кино.

В ситуации переходности, с одной стороны, сохраняются образцы традиционного искусства, а с другой — в искусстве появляются новые функции

(не художественные), которые начинают доминировать и порождают новое взаимодействие, соотношение различных (художественных и нехудожественных) функций в художественной деятельности. Кроме того, в переходной ситуации выявляются крайности в художественной деятельности: подражание прошлому, копирование, эпигонство, эклектика; искусство спускается в область «низовой», массовой культуры. Главным принципом проявления «переходности» является постепенная утрата художественности, смешение и размытость границ на уровне вида, рода и жанров. Характерной чертой искусства 1990-х годов было обращение творческих личностей к наследию прошлого, традиционным верованиям, фольклору, сочетавшееся с поиском новых мифологем и духовно-нравственных ориентиров.

Культурная современность Якутии конца XX в.

Архитектоника любой культуры, по мнению И. В. Кондакова, состоит из двухуровневого механизма циклов: 1) кумуляции/дивергенции и 2) селекции/конвергенции, определяющих смену типов цивилизационной идентичности (Кондаков 2012: 148). На наш взгляд, второй цикл наиболее важен для осмысления современных процессов в культуре Якутии конца XX в. — конвергентный, он проявляется в якутской культуре с 1990-х годов, после распада советской культуры. Любая культурная современность, по Кондакову, может быть представлена в виде трех уровней: 1) в «снятом» содержании (уход в культурное «прошлое»), 2) «в актуальном» содержании (еще формирующееся, незавершенное); 3) в «потенциальном» содержании (подготовка будущего этой современности — новое в культуре, которое еще не очевидно, гипотетично). Тем самым, в любой современности сосуществуют одновременно прошлое, настоящее и будущее (Там же: 154).

Рассмотрим культурную современность Якутии 1990-х годов. Первый уровень представлен «снятым» содержанием и активным обращением художников к проблеме эсхатологии в живописи И. Капитонова (Покатилова 2014), в прозе И. Иннокентьева (Бурцева 2007), в театральных постановках А. Борисова (Андрей Борисов... 2017). Начался процесс активного обращения творческих личностей к историческим именам, мифологическим героям и первопредкам, к архаическим архетипам прошлого. Этот процесс объединял «настоящее с прошлым», а не прошлое с настоящим, как своеобразное переосмысление, переоценка «настоящим прошлого», что прослеживается, например, в творчестве якутских композиторов (Скрыбыкина 2012) и живописца Т. Степанова (Иванова-Унарова 2000), посвященных теме сакрального: шаманизма и кузнечества. Феномен Т. Степанова в 1990-е годы связан с тем, что он затронул болевые точки взаимоотношения уходящей традиционной культуры и цивилизации. Он обрел популярность в городской среде, в среде интеллигенции, его поддерживала массовая культура и журналисты. Художники требовали от него профессионализма (хотя по образованию он был реставратором, а не живописцем), а журналисты считали его «якутским Микеланджело», «бытоживописцем олонхо». Популяризируя олонхо в визуальном искусстве, он использовал в своих картинах не просто знаки и символы, но забытые в советское время методы традиционной устной передачи информации — *этитии*. Поток сакральной информации захлестнул тогда зрителей позднесоветской культуры.

Второй уровень архитектоники якутской культуры 1990-х представлен «актуальным содержанием» моделей Августины Филипповой, которая попыталась связать дизайн с традиционным моделированием. В результате кропотливого труда и ручной работы появились образы якутской тайги, персонажи якутской мифологии и костюмы языческих божеств. Этот уровень еще только формирует стиль эпохи, это еще незавершенный процесс, при этом он как бы аккумулирует проблематику, семантику эпохи 1990-х годов. Актуальным содержанием творчества якутских мастеров культуры является возвращение к истокам, возрождение языка и традиционных верований, представлений. В критические моменты творческие личности устремляются то к истокам (Т. Степанов), то к ностальгии по советской реальности (Н. Иннокентьев), то к мечтам (А. Евстафьев), то к антиутопии (И. Иннокентьев), то к социокультурным утопиям (К. Туралысов, проект-замысел с. Павловска в Мегино-Кангаласском районе).

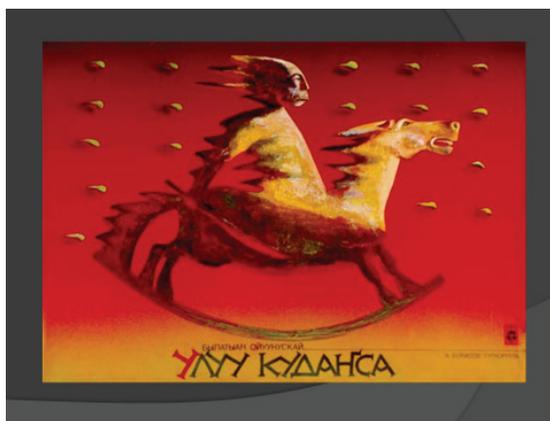

Костюм работы дизайнера Августины Филипповой

Лидером в морфологическом аспекте 1980–1990-х годов становится якутский драмтеатр во главе с режиссером Андреем Борисовым. Наиболее ярким культурным явлением здесь становится постановка спектакля «Кудангса Великий» (1989). Именно этот спектакль дал толчок к формированию в будущем театра-олонхо. Возможно, актуальное тогда осмысление «настоящего

в прошлом» привели А. Борисова к потенциальному содержанию зрелищных шоу-открытий Международных игр «Дети Азии» (2004, 2008, 2012 гг.) (Андрей Борисов... 2017).

Старостин М.Г. Афиша к спектаклю А. Борисова «Кудангса Великий». 1991 г.

Проблема взаимодействия профессионального театра, массовой культуры, шоу бизнеса и народной культуры привела к поискам цивилизационной идентичности в начале XXI в. В 2005 г. якутское эпическое искусство олонхо становится шедевром нематериального наследия Юнеско. «Анализ спектаклей, поставленных А. Борисовым в сценографии Г. Сотникова с 1982–2007 гг., показывает, как в соответствии с общественными потребностями народа в Якутии возникает театр новой эстетики — „Театр Олонхо“» (Чусовская 2013: 67). Так родилась, по замыслу режиссера А. Борисова, эстетика якутского лироэпического театра, начавшая путь к новой форме классического театра.

В глобальном процессе возрождения языков и культуры народов Якутии актуальным содержанием наполняются следующие этносимволы: Ысыах (ритуал), национальный костюм, Олонхо (эпос), Итэгэл (традиционные верования). Поразительно, что эти этнические маркеры не были связаны с культурой Севера, а напротив, уводили в бескрайние просторы Великой степи, транслируя широкую тюрко-монгольскую перспективу. Якуты как периферийный этнос тюркского мира, оказавшись в условиях Севера, смогли создать уникальную модель пограничной культуры открытого типа (Романова 2012: 359).

Ысыах с 1990-х становится массовым и ритуальным праздником. В 1990-е годы, по указу первого президента Республики Саха (Якутия) (далее — РС(Я)) М.Е. Николаева, Ысыах обрел статус государственного и республиканского значения как праздник «белого изобилия» после долгой и холодной зимы. В ситуации культурного вакуума потребность в «спасителях» — языческих белых шаманов (Тэрис, Кондаков — айыы-ойууна) ощущалась острее. По сути, если старых богов сохранить невозможно, то человек, ставший в городе «человеком массы», создает новых богов. Это был своего рода психологический комплекс, не связанный с развлечениями, и он должен был получить определенное выражение.

Массовая культура как промежуточное компенсаторное образование

В городской ментальности зарождаются новые мифы и мифологемы конца XX в. Возможно, это связано именно с формированием в городе психологии масс, которая со временем приведет к новому мифотворчеству начала XXI в. Демиургом нового мифа становится человек массы. Он создает новых героев и мифы. Это стихийное мифотворчество переходной эпохи переносит в пространство города атмосферу традиционных элементов культуры в виде представлений-шоу: алаас, заклинания, благопожелания-алгысы, история древних мифов. Это можно увидеть в концепции открытия Международных спортивных игр «Дети Азии», а с 2000 г. для проведения городского Ысыаха Туймаады формируется специальная ландшафтная среда в местности «Ус Хатын», в пригороде г. Якутска.

Таким образом, в реальности 1990-х годов миф торжествует, возродившись из пепла, в строгом ритуале церемоний ысыахов. Это привело к зрелищности, массовости и сакрализации этих церемоний. Отчасти они напоминают некоторые черты римской цивилизации, например, наделяя современные политические реалии архаическими именами: «Ил Дархан» (вместо президента РС(Я)), госсобрание — «Ил Тумен». Миф проникает в искусство именно из этой сформированной властью системы ценностей. Компенсаторный механизм возникает как реакция на распад советской цивилизации. Известно, что в XX веке цивилизация и культура разошлись, и массовая культура вступила в противостояние с высокой культурой, оказалась за ее пределами. Этот процесс приводит к тому, что массовая культура растворяется в утопическом сознании (в форме утопического сознания) и заменяется или компенсируется элементами традиционной культуры и тем самым создает симулякр, который формирует псевдоидентичность.

Возрождение национального костюма, связанное с церемониями Ысыаха, проявилось в 3-х направлениях: 1) как реконструкция традиционного костюма по образцам XVII–XIX вв.; 2) как современный костюм с использованием новых технологий; 3) как сценический костюм (Мир саха... 2014: 192). Потенциальным содержанием 1990-х годов в процессе возрождения национального костюма являются образы и модели дизайнера Августины Филипповой, которая получила признание и поддержку среди таких известных модельеров России, как А. Зайцев, Т. Михалкова и др. Феномен А. Филипповой — это поиски синтеза традиционного костюма, моды и дизайна. В своих ярких работах 2000–2015-х гг. модельер раскрывает образы птиц якутской тайги, мифических якутских удаганок, воплощения холода Чынгыс Хаан и божеств Айыы (Фантазии... 2008).

«Понятие» приходит на смену отжившему мифологическому образу не сразу, а постепенно. При этом образ не исчезает, а остается внутри понятия, т. е. мифологический образ становится интерпретацией, обобщенным новым смыслом, метафорой.

Поэтому при создании архаических образов, например, богини деторождения Айыысыт, А. Филиппова не гонится за исторической точностью, но ставит во главу угла интерпретационный смысл: так, украшенный свисающим

бисером наряд напоминает элементы шаманского ритуального облачения. Следовательно, современный художник-дизайнер должен постичь язык мифа, понятный массе. При этом А. Филиппова использует метафору, монтаж как художественный прием. По словам модельера, в показе своих моделей она часто использует механизм сновидений, иллюзий, выступая не только как художник, но и как режиссер, используя монтаж в кино, многоплановость, последовательную смену планов. Таким образом, в актуализации архаических мифов художники акцентируют интерпретационный смысл, используя художественные приемы искусства. Тем самым Филиппова не пытается создать копию традиционного костюма, а наоборот — создает интерпретационную среду для воображения и иллюзий. Путь проб и ошибок приводит многих исследователей к методу научной и художественной реконструкции уже в XXI в.

Возможно, в творчестве современных мастеров часто всплывают образы, связанные с «затемненным сознанием» (*терут ей* — подсознанием); происходит как бы возвращение к архаическому состоянию, которое интерпретируется новыми понятиями и смыслами. Это можно уже увидеть в театральных постановках режиссера С. Потапова в 2010-е годы, а также в якутском кинематографе: примером может послужить фильм Д. Давыдова «Пугало» (2020). Конвергентный уровень предполагает условный синтез 1990–2020-х годов, одним из компонентов которого является «реинтерпретация и модернизация архаики», принимающие условный и игровой характер (в творчестве М. Старостина, С. Потапова и др.). Происходит «возврат к единому», но это «единое» трактуется как раз по-иному.

Фильм «Пугало» режиссера
Д. Давыдова (2020)

Третий уровень культурной современности — «потенциальное» содержание. Оно отличается от «актуального» тем, что намечает границы актуальности, границы всей эпохи переходного периода 1990–2010-х годов; потенциал данной культуры как бы нащупывает пределы культурной идентичности и тем самым подготавливает будущее этой культуры, которое еще неочевидно и гипотетично. К пласту «потенциальной» культуры относятся проекты якутского кино 1990-х годов, реформы, планы, мистические искания, научные прогнозы, новаторство в искусстве. Ярким примером может служить процесс формирование культурных индустрий в РС(Я), который осмыслен с культурологических позиций В.В. Левочкиным (*Левочкин* 2018).

Современная культура Якутии на рубеже 2010 - 2020-х годов

Потенциальным содержанием первых десятилетий XXI века является, с одной стороны, стихийно, а, с другой — с помощью целенаправленной культурной политики, формирование культурных индустрий в РС(Я), которые способствуют интенсивной интеграции массового производства культурных благ и услуг в коммерческое. В морфологической структуре художественной культуры Якутии постепенно к 2020 г. начинает лидировать киноискусство.

Культурные индустрии 2010-х годов в РС(Я)

В российской науке феномен культурных индустрий начал активно изучаться в последние десятилетия. Это обусловлено тем, что динамичность социокультурных процессов в современном постиндустриальном обществе России требует новых способов интеграции. На смену стихийности рыночных отношений 1990–2000-х годов приходит целенаправленная культурная политика, использующая коммерциализацию массовых производств. Благодаря такой целенаправленной региональной культурной политике РС(Я) 2000–2010 гг., выразившейся в сохранении культурного наследия и традиций якутского народа и других северных народов Якутии, при одновременной поддержке новаторских форм творчества, пришли поиски новых подходов, интеграций в экономике и культуре, где творческий потенциал способствует активному росту культурных индустрий. В. Левочкиным выявлены социокультурные факторы, способствующие росту культурных индустрий: во-первых, это общественная потребность в сохранении национального самосознания, выраженного в уникальном культурном наследии; во-вторых, внутренняя миграция населения из сельской местности в городскую, которая формирует массы людей, нуждающихся в усредненном, искусственном массовом культурном продукте, поскольку они оторваны от своих корней и народных традиций, определяющих их культурное самосознание; в-третьих, разветвленная республиканская сеть государственных и муниципальных учреждений культуры — самая обширная на Дальнем Востоке и одна из крупнейших в стране, которая массово выпускает высококвалифицированные кадры и обеспечивает внедрение инноваций и высоких технологий; в-четвертых, целенаправленная культурная политика, формирующая благоприятную среду для развития предпринимательства в сфере культуры и ориентированная как на сохранение традиционных, аутентичных культурных явлений, так и на поддержку поиска новаторских форм творчества и самовыражения. При этом В. Левочкин как сторонник аспекта экономической эффективности культурных индустрий считает, что «феномены провинциальной культуры остаются востребованными внутри своего региона и малоприменимы в других», где, по замечанию автора, «незаполненная рыночная ниша возникает именно в малых городах, поскольку они мало интересуют крупный бизнес, именно здесь как альтернатива возникают возможности для роста локальных культурных индустрий» (*Левочкин* 2018: 16). Впервые исследователем выявлена классификация культурных индустрий в Якутии, к которым он относит: индустрию массовых театрализованных представлений; народные художественные промыслы; культурный туризм; эстраду; цирк, кино и аудиовизуальные индустрии. В специальном разделе культурологического исследования автор затрагивает проблему феномена якутской киноиндустрии, получившего устойчивое определение «якутский кинобум». Якутская киноиндустрия рассматривается автором: 1) как раз-

новидность массовой индустрии; и 2) как часть российского кинематографа, которая безусловно осуществляет значимую социокультурную детерминацию, охватывая разнообразные сферы жизнедеятельности современного человека, влияя на формирование духовных идеалов и утверждая нормы бытового поведения (Там же: 20). В результате она следует традиции отечественной кинематографии, развивающейся в русле официальной культурной политики, ее главных духовно-нравственных приоритетов в общественном сознании, динамично реагирующих на вызовы времени и запросы современного общества. Своевременные организационные аспекты регулирования художественной культуры в начале XXI в. начинают активно формировать кинематографическую отрасль, которая постепенно делает Якутию единственным регионом России, где «вырабатывается собственный массовый видеоконтент для внутреннего потребления» (Там же: 21). Возможно, поэтому якутское кино несет в себе гуманистические идеи и реагирует на вызовы современного глобального мира, оставаясь при этом равнодушным к проблеме души и нравственности человека Севера. Зоркий глаз лучших операторов, режиссеров и актеров якутского кино выдвигает на передний план вопросы личности, души, жизненного выбора, становления характера, что безусловно отсылает нас к лучшим традициям советского киноискусства.

Выводы

Первые десятилетия XXI в. выявили в современном искусстве Якутии противоположно-направленные — этноцентрические и центробежные — тенденции в художественной деятельности ведущих мастеров. Первая связана с национально ориентированной тенденцией; вторая связана с адаптацией к мировой культуре, торжеством всемирных и космополитических тенденций.

Второе десятилетие уходит на поиск, изучение и перенимание отечественного и зарубежного опыта культуры постмодернизма, попытки синтезировать их в «свой» якутский стиль. Происходит, на наш взгляд, деканонизация театрального формата в интеграции с массовой культурой (с размытыми критериями и ценностями). Произошла поляризация различных направлений в искусстве города Якутска: с одной стороны, элитарное направление ориентировано на замкнутую аудиторию, а с другой, на массовое явление, которое носит открытый характер. Глобальная монополизация превращает массовую культуру в «рыночный товар». Тем самым элитарная культура (профессиональное искусство) все активнее вступает во взаимодействие с массовой, что открыто проявляется в индустрии кино. Сдвиг в современном искусстве проявляется от объекта к процессу. Глобальная интеграция технологий в творческом процессе накладывает отпечаток на психоментальную структуру личности. В результате мы получаем переориентацию индивида с традиционным цивилизационно-культурным опытом на радикально иной массовый тип культуры, еще не сформировавшийся, но «путем проб и ошибок» поиски могут привести в дальнейшем к партнерству.

Процесс формирования в целом системы искусств в Якутии носил ускоренный характер и представляет собой путь от мифологического мышления на рубеже XIX–XX вв. до развитого художественного мышления в течение одного лишь столетия. Анализ показывает, что данная система искусств развивалась по принципу неравномерного развития видов, родов и жанров

искусства, в то же время типологически она сходна с общими закономерностями мирового процесса художественного формообразования. В основе этого движения — не набор случайных способов художественного творчества или отчуждения существующей традиции, а вполне определенная система «взаимоотношения шести основных семейств искусств — словесных и музыкальных, актерских и танцевальных, изобразительных и архитектурных, но и в спектральном характере переходов от одного к другому, превращения одного в другой» (Каган 1997: 350).

Системная целостность в якутской художественной культуре XX в., таким образом, фиксирует то же взаимодействие шести основных семейств: словесных и музыкальных, где лидером в 1920–1940-е годы в Якутии выступает якутская литература и используется неизобразительный способ художественного освоения мира; в изобразительных и архитектурных семействах доминируют в 1960–1980-е годы графические принципы формообразования, а в семействах актерских и танцевальных с 1990-х годов лидирует театр со смешанными принципами художественного освоения мира. В начале XXI в. лидером в морфологии искусства Якутии закономерно и последовательно выделяется якутское кино, которое интегрирует возможности массовой культуры с профессионализмом всех видов искусства, затрагивая душевные импульсы современного человека. К этому замечанию можно добавить еще то, что, когда собираются большие объемы информации, «люди внезапно начинают видеть паттерны в случайных данных», а происходит это «потому, что огромный объем данных может предложить связи, которые распространяются во всех направлениях» (Салецл 2019).

Литература

- Андрей Борисов и путь культуры Саха. Избранное: в трех томах / сост. Е.Н. Степанов, В.А. Чусовская, М.К. Докторов, Т.А. Егорова. Т. 2. Якутск: Бичик, 2017. 472 с.
- Бурцева Ж. Художественные ориентиры прозы Ивана Иннокентьева (Моделирование жанровых форм и антиутопические тенденции) // Полярная звезда. 2007. № 2. С. 67–73.
- Иванова-Унарова З.И. Лики шамана. Якутск: Бичик, 2000. 84с.
- Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб: Петрополис, 1997. 544с.
- Кондаков И. В. Архитектоника культуры как метод исторической культурологии (на примере России) // Альманах Научно-образовательного культурологического общества России Мир культуры и культурология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. Вып. II. с. 147–158.
- Левочкин В. В. Особенности формирования культурных индустрий в национальном регионе России (на примере Республики Саха (Якутия). Автореф. дисс... канд. культурологии. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 22 с.
- Мир саха: народное искусство = Саха эйгэтэ: норуот айымньыта = The World of the Sakha: Folk Art / авт.-сост. С.В. Никифорова, И.В. Покатилова. Якутск: Бичик, 2014. 240 с.
- Покатилова И. В. Пластический фольклор в художественной культуре Якутии. Новосибирск: Наука, 2013. 184 с.
- Покатилова И. В. Художественные поиски А.П. Мунхалова в драматургии гравюр 1980-х годов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2013. Т. 10, № 2 (апрель-июнь). С. 145–149.
- Покатилова И. В. Особенности мироощущения Исая Капитонова в полиптихе «Лабиринт» // European Social Science Journal/Европейский журнал социальных наук. 2014. Т. 5, № 5 (44). с. 52–55;
- Романова Е. Н. «Биографика» национальной культуры: этнокультурное наследие народа саха в зеркале исторического метанарратива конца XX — начала XXI вв. // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А.П. Дервянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; отд. ист-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2012. С. 354–363.
- Салецл Р. Искусство больших данных: невежество, мифы и фантазия прогресса // Художественный журнал. 2019. № 109; Постправда. [Электронный ресурс]. <http://moscowartmagazine.com/issue/93> (дата обращения: 05.01.2021).
- Скрыбыкина Ч. К. Гармония в музыке современных якутских композиторов. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 243 с.
- Фантазии от Августины Филипповой = Fantasies of Augustina Fillipova (Альбом) / сост. З.И. Иванова-Унарова; фот.: Н. Дьяконов и др. Якутск: Бичик, 2008. 192 с.

Чусовская В. А. Якутский театр Олонхо — классический театр народа саха. Новосибирск: Наука, 2013. 180 с.

Research article

Pokatilova I. V. Hudozhestvennaia kul'tura Iakutii: sovremennye processy v poiskah svoej «identichnosti» [Artistic culture of Yakutia: modern processes in search of Identity] *Anthropologies*, 2024, no 1, pp. 91-103, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/-103>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Pokatilova I. V. | zung2006@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1815-9610> | Arctic State Institute of Culture and Arts, Professor of the Department of Art History

Abstract:

The article is dedicated to the analysis of the contemporary state of the artistic culture of Yakutia at the turn of the 20th — early 21st centuries. The convergent stage, which determines the search for a new «identity» has become relevant for understanding the modern processes in Yakutia since the 1990s. The cultural modernity of Yakutia is considered from three angles: 1) the «sublated» content — a departure into the cultural «past» in Andrei Borisov's theatrical productions; 2) the «current» content — the yet unfinished work of fashion designer A. Filippova with the representation of national forms of clothing; 3) the «potential» content of the arts outlines the staging of the future of modern culture in the 2010–2020s. This «potential» layer of culture should include projects of Yakut cinematography. Analysis of the convergent stage in the development of art in the region allows us to suggest that at the beginning of the 21st century, cinema consistently and quite naturally becomes the leader in the morphology of art in Yakutia, which in its cultural genesis integrates the possibilities of mass culture with the professionalism of all forms of art that have developed in the region.

Keywords: contemporary artistic culture, morphology of the arts, Yakut cinema, mass culture, culturogenesis

References

- Чусовская, В.А. 2013. *Yakutskii teatr Olonkho — klassicheskii teatr naroda Sakha* [Yakut Theater Olonkho — classical theater of the Sakha people]. Novosibirsk: Nauka.
- Stepanov, E.N., Chusovskaia, V.A., Doktorova, M.K., Egorova, T.A. (eds.) 2017. *Andrei Borisov i put' kul'tury Sakha. Izbrannoe: v 3 tomakh* [Andrei Borisov and the path of Sakha culture. Favorites: in three volumes]. Iakutsk: Bichik, 2.
- Burceva, Zh. 2007. Khudozhestvennye orientiry prozy Ivana Innokent'eva (Modelirovanie zhanrovyyh form i antiutopicheskie tendencii) [Artistic guidelines of Ivan Innokentiev's prose (Modeling of genre forms and dystopian trends)]. *Poliarnaia Zvezda*, 2: 67–73.
- Ivanova-Unarova, Z.I. 2000. *Liki shamana* [Faces of the shaman]. Iakutsk: Bichik.
- Ivanova-Unarova, Z.I., Diakonov et al. (eds.). 2008. *Fantazii ot Avgustiny Filippovoi*=Fantasies of Augustina Fillipova (Album) Iakutsk: Bichik.

- Kagan, M.S. 1997. *Estetika kak filosofskaya nauka* [Aesthetics as a philosophical science]. SPb.: Petropolis.
- Kondakov, I.V. 2012. *Arkhitektonika kul'tury kak metod istoricheskoi kul'turologii (na primere Rossii)* [Architectonics of Culture as a method of Historical Cultural Studies (on the example of Russia)]. *Al'manakh Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshchestva Rossii Mir kul'tury i kul'turologiia*, 2. SPb.: 147–158.
- Levochkin, V.V. *Osobennosti formirovaniia kul'turnykh industrii v nacional'nom regione Rossii (na primere Respubliki Saha (Iakutiia))* [Features of the formation of cultural industries in the national region of Russia (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of cultural studies. SPb.: RGPU, 2018.
- Nikiforova, S.V., Pokatilova, I.V. (eds.). 2014. *Mir sakha: narodnoe iskusstvo = Saha ejgete: noruot ajymn'yta = The World of the Sakha: Folk Art*. Yakutsk: Bichik.
- Pokatilova, I.V. 2013. *Plasticheskii fol'klor v khudozhestvennoi kul'ture Iakutii* [Plastic folklore in the artistic culture of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka.
- Pokatilova, I.V. 2013. *Khudozhestvennye poiski A.P. Munhalova v dramaturgii graviur 1980-kh godov* [A.P. Munkhalov's Artistic searches in the drama of engravings of the 1980s]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova*, 10, 2: 145–149.
- Pokatilova, I.V. 2014. *Osobennosti mirooshchushcheniia Isaia Kapitonova v poliptykhe «Labirint»* [Features of the worldview of Isai Kapitonov in the polyptych «Labyrinth»]. *European Social Science Journal*, 5, 44, 5: 52–55.
- Romanova, E.N. 2012. «Biografika» nacional'noi kul'tury: etnokul'turnoe nasledie naroda cakha v zerkale istoricheskogo metanarrativa konca XX — nachala XXI vv. [Biographica of national culture: the ethnocultural heritage of the Sakha people in the mirror of the historical meta-narrative of the late XX — early XXI centuries.]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye cennosti Rossii*. M.: ROSSPEN, S.354–363.
- Salecl, R. 2019. *Iskusstvo bol'shikh dannykh: nevezhestvo, mify i fantaziia progressa* [The Art of Big Data: Ignorance, Myths, and the Fantasy of Progress]. *Khudozhestvennyi zhurnal*, 109, Postpravda. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/93> (accessed 05.01.2021).
- Skrybykina, Ch.K. 2012. *Garmoniia v muzyke sovremennykh iakutskikh kompozitorov* [Harmony in the music of modern Yakut composers]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU.

